

Татьяна Иванько

**МиллЕниум (Повесть
о настоящем) Том 2**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84(2)6
И18

Иванько Т. В.

МилЛениум (Повесть о настоящем) Том 2 / Иванько Т. В.; худ.
Иванько Т. В. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 287 с.

ISBN 978-5-532-95927-9

Сердце разбитое вдребезги, дотла выжженная душа, ищущая смерти... Возможно ли возродиться к жизни? Предательство и ложь победят любовь и преданность. Герои проходят новые испытания, война, смерть и новые люди. Лёню война опаляет в прямом и переносном смысле. Можно ли вернуться с войны более живым, чем попав в её пекло? Выйдя из её страшной мясорубки Лёня не сразу понимает, как ему продолжить жить, вернуть прежнее или начать всё заново. Но Лёля, тем временем, оказывается в капкане своих ошибок и невозможности примирить прошлое и настоящее. Бегство от прошлого спасает на время. Её ждут новые встречи со старыми знакомыми, и эти встречи заводят слишком далеко, снова запутывая её жизнь ещё больше. Большой город даёт много возможностей и много новых испытаний. Возможно остаться чистым, погрузившись в грязь? Встретятся ли влюблённые вновь? И нужно ли им быть вместе?

ISBN 978-5-532-95927-9

© Иванько Т. В., текст, 2018
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Часть 5	5
Глава 1. Невеста	5
Глава 2. Сны и будни	16
Глава 3. Красный крест	30
Глава 4. Ничего не останется, если	46
Глава 5. «Лёля!»	54
Часть 6	66
Глава 1. Кому выгодно?	66
Глава 2. Палата на двоих	80
Глава 3. Сколы и трещинки	90
Глава 4. Болезнь и выздоровление	100
Часть 7	107
Глава 1. Стерх	107
Глава 2. Новый год	118
Глава 3. Страшные люди	129
Часть 8	144
Глава 1. Молчи!	144
Глава 2. Взлом	154
Глава 3. Опять весна на белом свете	167
Глава 4. Пирамида	179
Часть 9	189
Глава 1. Шалаш	189
Глава 2. Страшный сон	197
Глава 3. Будем жить	208
Глава 4. Хороший день	218
Часть 10	233

Глава 1. Вскроем гнойники, разобьём копилки	233
Глава 2. Лучшая защита	242
Глава 3. День Победы	252
Глава 4. Райский шалаш	266
Глава 5. Августовский урожай	274

Часть 5

Глава 1. Невеста

Смерть теперь моя невеста.
Ей никогда не изменить.
Она в глаза глядит всё время,
Она обнимает...

Смерть теперь моя невеста
Ей никогда не изменить.
Она целует в губы
Её холод в меня втекает.

Смерть теперь моя невеста
Ей никогда не изменить.
Она уже течёт по венам,
И трогает сердце моё.

Смерть теперь моя невеста
Ей никогда не изменить.
Она освободила мою душу
И я лечу.
Всё бери, моя невеста,
Там ничего уж нет...

Я примчался в общежитие. Почему? Я хотел увидеть хоть кого-нибудь, кого я знаю, кто не изменился. Кто остался тем, кого я знаю.

О Лёле я не могу даже думать. Моя душа горит напалмом. И гореть будет так долго, пока не выгорит дотла...

– Привет, – Юрка дома, он открыл мне, удивляясь моему виду. – Ты чё такой? Морда разбита...

Разбита? Я не понимаю о чём он.

– Праздник отмечал что ли? – он оглядел меня и пропустил в комнату, а сам полез в холодильник в «предбаннике».

О каком празднике он говорит, интересно?..

– Может, пива выпьешь? – Юрка по-прежнему недоумевая, разглядывал меня.

Я кивнул, не говоря. Я не могу говорить. Я будто онемел... Я заговорил, только на утро, когда попросил Юрку съездить к моему отцу домой, привезти паспорт. Только не говорить, где я.

– Паспорт? – удивился Юрка, – на фига тебе вдруг понадобился паспорт? «Голосуй или проиграешь», что ли? Или как там ещё? «Голосуй сердцем»?

Я не помнил ни о каких выборах, о которых мы говорили так много в последние месяцы...

– Что у вас, конфликт в благородном семействе? У нас теперь жить будешь? Или Милку погонишь? Лёлька-то где? – не унимался Юра, впервые проявляя столько любопытства.

– Юр, привези паспорт и всё, – взмолился я.

Он странно смотрит на меня, Люся утром, тоже.

– Ребят, дайте хотя бы поспорить нормально, – сказал я, чтобы они не расспрашивали, не говорили ничего больше, не комментировали. Сейчас напиться, уколоться, не знаю, что... сдохнуть бы. Почему это так непросто?

– Давай поедим? – спросила Люся, когда Юра уехал, – или Юрку подождём?

– Что?.. – рассеянно переспросил я, взгляну на неё, – как хочешь, давай подождём...

Люся включила телевизор, все каналы говорили о теракте в метро накануне вечером. Я ещё ничего не слышал об этом. На дежурстве ночь выдалась ещё та, а вчерашний день весь из памяти вон. Но Люся уже в курсе, рассказала мне и о четверых погибших и о том, кто взял на себя это злодейство... Ничего нового...

Решение как прозрение, как луч снизошло на меня. Я хочу умереть, и существует самый, что ни на есть достойный мужчины способ. Не спиться или загнать в кровь убойную дозу отравы, а

погибнуть в бою. Стать воином, стать мужчиной, не мальчишкой у которого можно отобрать жену и он ничего не сделает с этим...

Я ничего не сказал друзьям. Я не слушал Юрку, который рассказывает, что застал дома только моего отца и тот был странный, даже не удивился его приезду. Я ничего не спросил о Лёле... Я не могу даже думать о ней. Во мне всё омертвело...

Лёля была дома, когда приехал их одноклассник за Алёшкиным паспортом. Кроме паспорта ничего, значит, не надо ему? Что ж, тем лучше, сам придёт, тогда и обговорим всё...

А Лёля спала. Я не спал и, будто боялся, что она сбежит, стерёг её. Она разбила ноги в кровь, когда побежав за Алёшей вчера, потеряла свои шлёпанцы.

Я не могу оставить её, отпустить хотя бы на минуту. Я не поехал на работу сегодня, отзвонившись, кому надо ещё с вечера, моя заместительница выручала меня тысячу раз. Я не могу оставить Лёлю одну.

Она молчит. Я говорю. Она не спорит. Не упрекает больше...

– Зачем ты гналась за ним? Думаешь, он простил бы? – я обработал раны на её ногах, завязал бинтами. – Этого никто не простит. Мы теперь с тобой вместе.

– Да, как соучастники убийства, – ответила она. Взглянула тёмными глазами из-под ресниц. – Шайка.

– Не надо, никто не умер.

Тогда она посмотрела на меня так, будто знает намного больше о происходящем, чем я.

– Лёля, успокойся...

– Кирилл, прошу тебя не говори больше ничего... ничего о Лёне.

Я посмотрел на неё. Что ж, мне же легче. Теперь она моя. Как никогда не была ещё.

Но только жизнь стала, будто угасать в ней с каждым часом. Что мне сделать с этим? Осталось только ждать. Очнётся, молодая.

В воскресенье мы не идём на выборы. Лёлин избирательный участок в их общежитии, но она не поехала. Мы не выходили из дома все дни до понедельника. Зоя Васильевна привезла продукты. Все

эти дни я и счастлив и несчастен. Счастлив, потому что мне ни в чём нет отказа, но несчастлив, потому что ни разу за эти дни я не видел у Лёли настоящей улыбки.

В понедельник я должен был пойти на работу. Хотя бы на пару часов. И я с тревогой оставил её. Я опасался, не сделала бы она чего-нибудь с собой...

Но вернувшись, я застал пустую квартиру и понимаю, что Лёля ушла. И не просто вышла. Она ушла совсем.

Она взяла совсем мало вещей. Оставила даже свои духи. Те самые, «Orium» и помаду... Но гитару Алёшкину забрала. Но не оставила для меня ни слова. Ни записки, ни звонка, ничего.

Как, где, мне искать её? Где он? Она может быть только там, где он... Выходит, и меня она любила, пока он был с ней...

Я несколько дней размышлял, искал её в общежитии, где не было ни её, ни его, потом звонил в Н-ск, осторожно расспрашивая родителей. Но Алёши и Лёли не было и в Н-ске. Где же они? Я сходил в «гараж», обнаружил там уютное молодёжное логово, позавидовал даже...

Получается, я завидую всему, что есть у моего сына... В конце-концов, начальник городского УВД, навёл справки для меня и к середине июля я узнал, что Алексей Кириллович Легостаев отправился по контракту в Чечню...

Я всё понял. Но как быстро он сделал это... Ещё через несколько дней нашлась и Лёля, которая напросилась на кафедру Акушерства, акушеркой и ночевала на работе, выходя на улицу только чтобы купить поесть.

Здесь, в десятом роддоме я и нашёл её. Она похудела невероятно, халат болтается на ней, старомодный с застёжкой на спине, не из этих, из гуманитарной помощи, а из старых, ещё советских. Голые ноги, тапочки на небольшом подъёме, белая шапочка спрятала волосы... Увидев меня, она побледнела, нахмурилась.

— Не надо бояться меня, — сказал я, приближаясь и готовый ловить её, если она вдруг побежит.

Почему мне пришло это в голову? Потому что я искал её почти полтора месяца?

– Я тебя не боюсь, Кирилл, – сказала Лёля, подпуская меня к себе. – Такие, как я ничего не боятся.

Какая-то санитарка неодобрительно оглядела меня с головы до ног, хотя любому ясно, что если я проник сюда, то я не простой гость, но санитарки, как и вахтёрши, так любят командовать... эта не посмела, однако.

– Не надо, Лёля... – поморщился я. – Пойдём, выйдем на улицу, поговорим.

Она смотрит на меня, огромные, тёмные как вечернее небо глаза, качнула головой:

– Идём...

Скамейки вокруг роддома оккупированы молодыми папашами, но мы с ней нашли место. Лёля сняла шапочку с волос, пучок под затылком вот-вот распадётся, торчат шпильки... Я смотрю на её прелестный профиль, как хорошо на него смотреть, когда она смеётся, когда улыбается, когда спит рядом...

– Я знаю, где Алёша, – сказал я, надеясь этим вызвать её интерес к себе.

Она посмотрела на меня ещё более чёрным взглядом:

– Я тоже знаю. Я была... – у неё дёрнулась шея, – была на станции, когда они... Когда он уезжал...

– Как ты успела? – изумился я.

– Я сразу знала, где он. Он мог поступить только так, – она сощурилась от солнца, но больше похоже на то, что она морщится от боли.

Я откинулся спиной на заскорузлые от старой краски доски скамьи.

– Значит, ты знаешь его гораздо лучше, чем я...

– Да, Кирилл, – спокойно согласилась она.

– А меня знаешь? Куда пошёл бы я на его месте? – волнуясь, спросил я.

Лёля тряхнула головой слегка:

– Ты, как все: пошёл бы пить да б**дей трахать, таких, как я, – невозмутимо сказала она. Я таких выражений никогда не слышал от неё.

Это как пощёчина, это и жутко и трезвит...

– Он пишет? – спросил я, надеясь как-то смягчить её пугающую непреклонность.

– Мне? Да ты что! – сказала она, отрицательно мотнув головой. И добавила: – Мне он никогда не станет теперь писать... я хуже смерти, хуже ада. Хуже фашистов...

Она встала:

– Я пойду, Кирилл, мне надо. Я здесь и так на птичьих правах...

Я смотрю на неё, она такая тоненькая в этом старомодном халате с пуговицами на спине, голые колени, тапочки без задника, розовые пяточки... Лёля...

– Подожди, Лёля, не уходи, побудь со мной...

После мгновенного сомнения, она всё же села рядом со мной. Села ближе, чем перед этим.

– Ты никогда не простишь меня теперь? – спросил я.

– Кирилл, мне не за что прощать или не прощать тебя, я виновата больше, чем ты, – сказала Лёля. – Намного больше. Ты даже не представляешь насколько больше.

Я набрался смелости и обнял её за плечи. Как ни удивительно, она не только позволила, но и прильнула ко мне. К моему плечу, к моему телу...

Да, так. Так! Я не знаю, как я выдержала эти пять недель одна. Как я вообще смогла остаться жить после всего... И сейчас мне было не устоять, перед соблазном почувствовать его тепло, его руку на моих плечах.

Когда на пятый день после того, как Лёня ушёл из дома, из моей жизни, вернее, был изгнан, я первым делом, конечно, примчалась в общежитие. Именно примчалась: едва Кирилл уехал на работу, я собралась и почти бегом бросилась сюда. Но я опоздала. Я уже опоздала...

Он уже ушёл и отсюда. Ребята не знали, где он, были уверены, что он уехал домой, в Н-ск. Но я знала, что его нет там. Я звонила и, не рассказывая ничего, знала, что и Лёня ничего не сказал ни о нас с ним, ни обо мне с Кириллом.

В Н-ске все наши родные были убеждены, что мы с Лёней остались в Москве потому, что у Лёни военные сборы через неделю... Но